

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2 Рос=Рус)6

Дзыга Я.О.

**ЛИТЕРАТУРНАЯ ЦИТАТА В ТВОРЧЕСТВЕ И.С. ШМЕЛЕВА
И И.А. ГОНЧАРОВА**

Dzyga Y.O.

**LITERARY QUOTATION IN WORKS OF I.S. SHMELEV
AND I.A. GONCHAROV**

Ключевые слова: Шмелев, Гончаров, литературная цитата, культурные ассоциации, Серебряный век.

Keywords: Shmelev, Goncharov, literary quotation, culture associations, the Silver age.

Аннотация

Статья посвящена изучению форм, характера и способов функционирования литературных цитат в романах «Пути небесные» И.С. Шмелева и «Обрыв» И.А. Гончарова. Автор работы обращается к различным уровням художественного текста, рассматривает цитирование образов, мотивов, сюжета и стиля, обращает внимание на то, что особенное звучание цитации Шмелева придает влияние Серебряного века и философии

Вл. Соловьева.

Abstract

The article deals with study of forms, character and functioning methods of literary quotations in the novels “The Heavenly Ways” by I.S. Shmelev and “The Precipice” by I.A. Goncharov. The author of work adverts to different levels of the text, considers quoting of images, motives, plot, and style and pays attention to that influence of the Silver age and Vl. Solovyov philosophy makes quoting of Shmelev more specific.

Итоговый роман И.С. Шмелева «Пути небесные» принято считать «синтетической цитатой русской литературы». По мнению В.В. Абашева, «<...> герои романа погружены не столько в гущу русской жизни, сколько в стихию русской литературы»¹. Точно также проза Гончарова насыщена «<...> множеством явных и скрытых цитат, параллелей, аллюзий»².

С этой точки зрения представляется продуктивным сравнение творчества Шмелева с наследием Гончарова, чьи творческие поиски в свое время тоже были связаны с широким и многоплановым использованием цитаты. Не претендуя на всестороннее и окончательное решение перспективной литературоведческой проблемы, ограничимся сопоставлением характера использования «чужого слова» в «Пути небесных» И.С. Шмелева и «Обрыве» И.А. Гончарова.

В ярком спектре литературных переключек и ассоциаций предстает у Гончарова фигура Бориса Райского. С разной степенью справедливости и обоснованности героя называют то Дон Жуаном и Дон Кихотом, то Чацким, то Печориным, то Гамлетом или Отелло, а то и блудным сыном. Прямо не названы, но манифестированы в тексте неоднократные сравнения героя с онегинским типом характера.

¹ Абашев В.В. Литературная цитата в прозе И.С. Шмелева // Тез. докл. межд. конф. Алушта, 21-25 сент. 1993. - Алушта, 1993. - С. 19.

² Отрадин М.В. Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. - СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та. 1994. - С. 4.

Многие из литературных параллелей «Обрыва» «принадлежат» не столько Гончарову, сколько его герою. Изменчивая натура художника требует для самоопределения не одну художественно-историческую «маску». Это особенно понятно и близко Райскому как автору будущего романа, ведь, по его твердому убеждению, «<...> в организме художника совмещаются многие эпохи, многие разнородные лица...»³.

Хронологически первый литературный тип, который примеряют на героя Гончарова, - «вечный образ» ловеласа и поклонника женской красоты Дон Жуана. Сначала эта ассоциация возникает в сознании типичного «уроженца универсального Петербурга» и «светского человека» Аянова как знак легкомысленного обращения с женщинами, синоним пустоты и безответственности. Однако Райскому в корне чужда подобная трактовка легендарного образа - романтически настроенный художник сближает Дон-Жуана с Дон Кихотом, подчеркивая в характере первого вечный поиск гармонии и животворящее творческое начало. «Донжуанизм, - настаивает герой, - то же в людском роде, что донкихотство: еще глубже; эта потребность еще прирожденнее <...> [5, с. 11]. Ставя в центр личности Дон Жуана потребность в красоте, Борис Райский встает на его защиту: «<...> Ужели я не могу наслаждаться красотой так, как бы наслаждался красотой в статуе? Дон-Жуан наслаждался прежде всего эстетически этой потребностью, но грубо; сын своего века, воспитания, нравов, он увлекался за пределы этого поклонения - вот и все» [5, с. 11].

Много позже, отвечая на упреки Веры в безнравственности («вы идете по следам Дон-Жуана» [5, с. 520], Райский выскажется еще определенной, сближая в натуре классического героя эстетическое с этическим: «Искренний Дон-Жуан чист и прекрасен; он гуманный, тонкий артист <...>. Я уверен, что в байроновском Дон-Жуане пропал художник» [5, с. 520].

Л.С. Гейро находит в словах Райского отголоски рассказа Гофмана «Дон Жуан» и более поздней драматической поэмы А.К. Толстого с тем же названием⁴. Е.А. Краснощекова видит источник донжуанизма героя в его артистизме. «Другое дело, - уточняет свою мысль исследователь, - что Дон Жуан в исполнении Райского выглядит нередко нелепым чудачком, напоминая Адуева в его трагико-комической фазе⁵.

В этой характеристике - «эхо» образа Дон Кихота. Однако и тот, и другой классический тип в «Обрыве» представлены в иронически-пародийном ключе, заданном Гончаровым в самом начале романа. Так, самоаттестация Райского корректируется нелицеприятными впечатлениями Аянова, актуализирующими мотивы игры и театральности: «И чем ты сегодня не являлся перед кузиной! Она тебя Чацким назвала... А ты был и Дон-Жуан, и Дон-Кихот вместе. Вот умудрился!» [5, с. 38].

Автор «Обрыва» не только примеряет легендарный образ Сервантеса на художника, но также пробует вписать в известный литературный сюжет тип «новых апостолов» жизни вроде Марка Волохова. Не случайно эта попытка «поручена» Райскому, и теперь уже в его словах доминируют мотивы игры и «роли». Аттестуя людей волоховского типа, Борис делит их на две категории: «Одни из этих артистов просто утопают в картах, в вине, <...> другие ищут роли. Есть и дон-кихоты между ними: они хватаются за какую-нибудь невозможную идею, преследуют ее иногда искренно; вообразят себя пророками и апостольствуют в кружках слабых голов, по трактирам» [5, с. 289]. Но и Райский, и Волохов не настоящие Дон Кихоты, в контексте романа Гончарова «Рыцарь Печального Образа» пародийно трансформирован.

В «Путях небесных» тоже не обошлось без упоминания о рыцарях. Однако у Шмелева интерпретация этих образов опосредована культурной ситуацией рубежа веков.

³ Гончаров И.А. Обрыв // Гончаров И.А. Собр. соч.: В 6 т. - М.: Правда, 1972. Т. 5. - 541 с. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

⁴ Гейро Л. С. Роман Гончарова «Обрыв» и русская поэзия его времени // Русская литература. - 1974. - № 1. - С. 72.

⁵ Краснощекова Е.А. И.А. Гончаров: Мир творчества. - СПб.: Пушк. фонд, 1997. - С. 383.

Здесь вряд ли может идти речь о прямом влиянии средневековых романов или литературного типа Дон Кихота. Романная подсказка в виде прямой апелляции к Пушкину и его «бедному рыцарю» тоже не полностью проясняет обстановку. В контексте «Путей небесных» содержание названных «цитат» в скрытом виде содержит намек на философию Серебряного века с его культом Прекрасной Дамы и пиететом перед идеями Вл. Соловьева.

Это наглядно демонстрирует скандальная история похищения Павлом Кузюмовым и его кузеном Вагаевым «барышни» из хорошего семейства: «Они романов начитались про рыцарей, и все у них перепуталось, будто и теперь можно. <...> Аничку на трон посадили, осыпали бриллиантами, становились на одно колено... У рыцарей всегда, молиться на «прекрасную даму»! Как у Пушкина, про «бедного рыцаря»!.. <...> Пели гимны, воскуряли духи и называли богиней»⁶.

Гончаровская интерпретация «вечного образа» поклонника женской красоты находит неожиданный отзвук в образной системе «Путей небесных». В романе Шмелева на «Дон-Жуана» Райского похож князь Дмитрий Павлович Вагаев, «отчаянный» лейб-гусар и «ужасный грешник». В двойном освещении образа молодого повесы и «сорвиголовы» угадываются те же доминанты характера, что и в облике художника Райского: восторженность, поклонение красоте, романтизм, мечтательность. «Да, фантазер, романтик... немножко поэт, и не без таланта, - делился своими впечатлениями Кузюмов. - И порядочно образованный. При своем «донжуанстве» как-то ухитрялся находить время почитать. Женщины были от него без ума» [12, с. 472].

В отличие от романтически настроенных Райского и Вагаева, скептик и рационалист Вейденгаммер менее всего склонен к необузданным полетам фантазии и бесплодным мечтаньям. В начале романа он больше напоминает тургеневского Базарова, но судьбоносная встреча с Даринькой «реставрировала» в герое романтика: сначала на память пришли герои Марлинского и Карамзина, потом он уподобился лермонтовскому Демону.

Однако применительно к его образу «память жанра» более всего актуализируется в «цитатах» из творчества Л.Н. Толстого: если вначале герой выступает в нехлюдовской роли соблазнителя, то в сцене скачек неожиданно оказывается на месте Каренина, а потом, пережив «хозяйственный захват» в Ютово, с удовольствием «перевосплотился в Левина».

Сюжетная линия «Анна - Вронский» зеркально отражается в истории отношений Дариньки с Вагаевым. Совпадают даже такие детали, как уход героя на войну и гибель героини под колесами поезда (так Шмелев предполагал завершить оставшийся незаконченным роман).

Упоминание Шмелевым в романе имен Толстого, Тургенева Ушинского, Амвросия Оптинского и др. исторических личностей призвано «подтвердить» правдоподобие происходящего, заставляя читателя поверить в реальность описываемых событий. К этому приему Шмелев планировал прибегать и в дальнейшем, о чем сообщал в одном из писем И.А. Ильину, рассказывая о видах на образ Вейденгаммера: «Он у меня и с Толстым будет переписываться, и Пушкина открывать, и <...> "Бога искать"»⁷.

Далеко отстоящие друг от друга, на первый взгляд, образы Вейденгаммера и Райского сближают мотивы странствия («внешняя» биография героев) и странничества («внутренняя» биография). Последний восходит к библейскому образу блудного сына⁸. У Гончарова эту мысль оглашает учитель Козлов («ты блудный сын» [5, с. 212]. Сюжетно

⁶ Шмелев И.С. Пути небесные // Шмелев И.С. Собр. соч.: В 12 т. - М.: Сибирская Благозвонница, 2008.

Т. 12. - С. 434. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

⁷ Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935-1946). - М.: Русская книга, 2000. - С. 75-76.

⁸ Галанина О.Е., Захарова В.Т. Духовный реализм И. Шмелева: лейтмотив в структуре романа «Пути небесные». - Н. Новгород: НГПУ, 2004. - С. 97.

данный мотив оформляется в «метание от одного миража к другому»⁹, пока герой не приблизится «<...> к тому идеалу совершенства, которого требует евангелие <...>» [6, с. 509]. В романе Шмелева указанный мотив обусловлен логикой развития характера героя и авторской сверхзадачей. «"Виктор Алексеевич" мой, кажется, человек «порыва», «швыряющийся» - идет туда - незнамо куда, «ищет того - незнамо чего». <...> И нужна ему милая женская рука. Она его возьмет за хохол-болтушку и приведет»¹⁰, - писал Шмелев Ильину.

Доминантная в образе Дариньки способность к духовному водительству имеет глубокие литературные корни. Указание на один из классических образов в этом ряду есть в тексте романа, где говорится, что Лиза Калитина напомнила Вейденгаммеру Дариньку. Идея духовного хождения роднит героиню Шмелева с «кроткими» Достоевского и имеет параллели в житийной литературе.

«Пути небесные» вообще изобилуют примерами из житий. В традициях духовной литературы созданы образы главных героев романа. Житийные мотивы, сюжетные повороты и описания в произведении Шмелева соседствуют с прямыми указаниями на жития: в романе упоминаются преподобная Таисия-блудница, Мария Египетская, мученица Евдокия, «отроковица-прелестница» Мелетиния, преподобный Иаков Постник. Каноны кризисного жития угадываются в судьбах Вейденгаммера, Кузюмова и частично Вагаева, заставляя вспомнить жизнеописания Моисея Мурина, Преподобного Давида и др. При этом поворот умонастроений «кощунника» Павла Кузюмова, долгое время ридившегося в «байронизм» и «печоринщину», напрямую соотнесен с обращением Савла.

К истории благочестивой жизни преподобного Иоанна Дамаскина Шмелев неоднократно обращается через упоминание одноименной поэмы А.К. Толстого, которая открывает в Вейденгаммере и Дариньке неизвестные ранее духовные движения.

Вера у Гончарова тоже пытается вывести любимого на правильный путь, полагая его в верности «старой правде» евангельских заветов. Но чуждый понятиям духовности «герой волчьей ямы» сам претендует на роль учителя жизни, проповедуя «новое учение» с его представлениями о «муравьиных добродетелях» и «случайном порядке бытия». Несостоятельность его «миссионерства» обнаруживают, в том числе, красноречивые исторические и литературные «маски». «<...> Пария, циник, <...> отверженец, «Варавва!»» [5, с. 537], - аттестует его автор. Я «все равно здесь <...>, что Пугачев или Стенька Разин» [там же] - рисуется герой перед Верой.

Учительские претензии Райского тоже не могут быть признаны состоятельными. Герой еще не дорос до роли воспитателя, не определился в жизни и поэтому постоянно примеряет на себя «роли». Не случайно литературные определения главного героя «Обрыва» столь множественны. Так, доминантный в его характере мотив скуки и недовольства жизнью аккумулирует в себе сразу несколько литературных «цитат». В мучительном чувстве, терзающем артистическую натуру Райского, угадываются и отголоски хандры Онегина, и печать неизбывной скуки Печорина, и отзвуки обломовских претензий к жизни: «<...> Я урод, я... я... не знаю, что я такое, и никто этого не знает. Я больной, ненормальный человек, и притом я отжил, испортил, искажил... или нет, не понял своей жизни» [5, с. 30].

Герои Гончарова и Шмелева глубоко погружены в пушкинскую литературную стихию. И в «Обрыве», и в «Путьх небесных» связь с классиком осуществляется прежде всего через обращение к «Евгению Онегину». Однако общий посыл двух романов имеет различное смысловое наполнение.

В эпицентре гончаровского понимания образов Онегина и Печорина - «наука страсти нежной», русский аналог донжуанства, уже манифестированного в романе прямыми указаниями на легендарный сюжет о коварном соблазнителе. Согласно

⁹ Краснощекова Е.А. И.А. Гончаров: Мир творчества. - СПб.: Пушк. фонд, 1997. - С. 438.

¹⁰ Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935-1946). - М.: Русская книга, 2000. - С. 75.

представлениям Гончарова, недовольство, лень и озлобление героев, побуждающее их к рисовке и равнодушному отношению к людям, не что иное как «квинтэссенция донжуанства» [6, с. 389].

«Евгений Онегин» в «Путях небесных» - прежде всего литературный путеводитель в запутанных отношениях Дариньки и Вагаева. Стараниями молодого гусара одна за другой всплывают цитаты из пушкинского романа, служа иллюстрацией к чувствам героев, освещая их характеры и программируя дальнейшее развитие событий. В истории «голубых» писем молодого повесы повторяется даже такой элемент сюжета, как односторонняя переписка Онегина с Татьяной. При этом сам образ Вагаева может быть понят как вариант «позднего» Онегина, открывшего для себя новую Татьяну. «Женщины ему легко давались, - рассказывал Виктор Алексеевич, - были у него победы и во дворцах... не верится, какие крепости ему сдавались. Говорил - «брал мимоходом, взглядом, все женщины всегда открыты!» Но в Дариньке столкнулся... с чем-то. <...> У Пушкина про это гениально. Дима знал Пушкина...» [12, с. 241].

Знал Пушкина и Вейденгаммер - именно благодаря ему произошло знакомство Дариньки с текстом «Евгения Онегина», которого Виктор Алексеевич начал ей читать во время ее болезни, правда, «<...> не дочитал, хоть ей и нравилось» [12, с. 180].

Зато влюбленный гусар не может обойтись без постоянных апелляций к классике. Первые прочитанные Вагаевым строки из пушкинского романа («Любви все возрасты покорны...») напрямую вроде бы не связаны с его чувствами к Дариньке. Цитата иллюстрирует настроения генерал-губернатора, увлеченного «прелестной С...ой», исполняющей роль Царь-Девицы, но вся обстановка «первого театра» проливает свет на подлинных адресатов пушкинских строк. Вагаев так проникновенно нашептывал Дариньке заветные слова и при этом так близко наклонялся к ней, что его висок щекотал ее щеку, которая от этого даже «зарделась».

Очевидно, «тайный» смысл пленительных строк еще тогда открылся героине, потому что в разгар отношений с Вагаевым чтение романа стало для нее «томительной усладой». Особенно волновало «Письмо Татьяны к Онегину», в котором Дарья Ивановна находила отзвук собственных чувств и переживаний.

Вагаев тоже невольно соотносит себя с героем классического романа, заставляя вспомнить произведение Пушкина даже тогда, когда изъясняется с Даринькой прозой: «Вы знаете, что я хочу сказать... Я провинился перед собой... опоздал вас встретить, встретил вас слишком поздно, в жизни... - и наказан!..» [12, с. 185].

Даринька же в «Путях небесных» не только Татьяна Ларина, но и пушкинский «ангел нежный». В «Обрыве» с Татьяной и Ольгой Лариными соотнесены Марфинька и Вера.

Образ Вейденгаммера напрямую не связан ни с одним из героев поэта, зато перипетии его судьбы красноречиво описывают известные классические примеры. Так, потрясение мартовской ночи оттеняется отсылкой к «Пророку» Пушкина. Душевные муки, связанные с мыслями о самоубийстве, вызывают в памяти другие пушкинские стихи, много позже наполнившиеся для героя новым смыслом: «Дар напрасный, дар случайный, - Жизнь, зачем ты мне дана?..» И мне был послан дар, и этим даром приказано было мне: живи и познай» [12, с. 476]. Рассказ о «петербургской истории» Вейденгаммер сопровождал цитатами из пушкинского «Пира во время чумы». В то же время «методика» постижения «узора» жизни была подсказана ему стихотворением «Поэт».

Не только главные и второстепенные, но и эпизодические персонажи «Обрыва» и «Путей небесных» вовлечены в широкий литературный контекст. Так, старички Молочковы в романе Гончарова - копия гоголевских старосветских помещиков, тетки Софьи Беловодовой отрекомендованы Райским как «Фамусовы в юбке», Полина Карповна Крицкая названа седеющей Калипсо, а в характеристике типичного уроженца Петербурга Аянова угадываются явные отголоски очерка И. Панаева «Петербургский фельетонист».

Образ Леонтия Козлова представляет собой вариацию известного в литературе типа «маленького человека».

Помещика Кузюмова у Шмелева соседи окрестили «господином Вольтером», а о садовнике Каморове, прозванном Мухомором, сказано, что «на Сократа очень похож» [12, с. 403]. О домоправительнице ютовского поместья Аграфене Матвеевне известно, что она не только была дворовой Варвары Петровны Тургеневой, но и хорошо знала «Лукерью», героиню рассказа «Живые мощи». Своей суровостью и деловитостью, привычкой «править делом» она напоминает Татьяну Марковну Бережкову. Будущий медик Костя Ютов, одетый по несколько запоздавшей моде «под народника», соотнесен сразу с двумя литературными образами - Базарова и Марка Волохова.

Ассоциативные ряды, вызываемые цитатами, и в «Обрыве», и в «Путях небесных» нередко приобретают пародийно-ироническое звучание, в иносказательной форме вскрывающее подлинный смысл изображаемых явлений и лиц. Травестированное прочтение «вечных образов» может быть как завуалировано, так и открыто манифестировано писателями. К примеру, в романе Гончарова среди многочисленных самохарактеристик Бориса Райского есть упоминание о Гамлете, вызванное к жизни неутешительными итогами исполнения «дружеской обязанности». Воображение героя идет дальше, иллюстрируя ситуацию добавлением женской фигуры из шекспировской трагедии, откровенно фарсовый характер которого очевиден: «Гамлет и Офелия! вдруг пришло ему в голову, и он закатился смехом от этого сравнения, так что даже ухватился за решетку церковной ограды. Ульяна Андреевна - Офелия! Над сравнением себя с Гамлетом он не смеялся: "Всякий, - казалось ему, - бывает Гамлетом иногда!"» [5, с. 460]. (Ср.: О плодах усилий Райского по пробуждению Беловодовой автор скажет: «Он видел, что заронил в нее сомнения, что эти сомнения - гамлетовские» [5, с. 130]). Немногим позже творческая фантазия подскажет герою еще одно двойное сравнение: нимфа и сатир - и романная ситуация в целом предстанет во взаимном освещении сразу нескольких легендарных образов, представляющих собой эмблемы не только разных эпох и произведений, но и разных национальных литератур.

В «Обрыве» и в «Путях небесных» цитация принимает разнообразные формы и охватывает практически все уровни художественного текста, когда цитируются образы, темы, мотивы, элементы сюжета, жанровые и стилистические особенности произведений-предшественников. Так, Райский у Гончарова сводит манеру своего «бледного» очерка о Наташе к традициям сентиментальной литературы: «<...> Так теперь не пишут. Эта наивность достойна эпохи "Бедной Лизы"» [5, с. 123].

Письма Вагаева к Дариньке только формально напоминали онегинские послания, но по существу представляли собой одну большую цитату, щедро сдобренную идеями Вл. Соловьева, лекции которого герой в это время слушал.

И у Гончарова, и у Шмелева «чужое слово» сложно, многопланово, иногда контрастно перекликается с содержанием исходного текста, порождая в нем новые смыслы и тем самым раздвигая границы читательского восприятия. Общими источниками «цитат» для «Обрыва» и «Путей небесных» являются фольклор и мировая (в случае со Шмелевым преимущественно русская классическая) литература. Более частое обращение к духовным текстам отличает цитатность Шмелева от гончаровской. При этом трактовка классических образов в «Путях небесных» опосредована влиянием Серебряного века и философией Вл. Соловьева.

И тот и другой роман изобилует заимствованными образами, темами и мотивами так, что одни литературные типы и ситуации как бы накладываются на другие. В обоих случаях изучение характера и способов обращения к различного рода «цитатам» позволяет выявить векторы культурных, этико-эстетических и духовных установок двух писателей.

Библиографический список

1. Абашев В.В. Литературная цитата в прозе И.С. Шмелева // Тез. докл. межд. конф. Алушта, 21-25 сент. 1993. - Алушта, 1993. - С. 18-20.
2. Отрадин М. В. Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1994. - 168 с.
3. Гончаров И.А. Обрыв // Гончаров И.А. Собр. соч.: В 6 т. - М.: Правда, 1972. Т. 5. - 541 с.
4. Гейро Л. С. Роман Гончарова «Обрыв» и русская поэзия его времени // Русская литература. - 1974. - № 1. - С. 61-73.
5. Краснощекова Е.А. И.А. Гончаров: Мир творчества. - СПб.: Пушк. фонд, 1997. - 492 с.
6. Шмелев И.С. Пути небесные // Шмелев И.С. Собр. соч.: В 12 т. - М.: Сибирская Благозвонница, 2008. Т. 12. - 604 с.
7. Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935-1946). - М.: Русская книга, 2000. - 576 с.
8. Галанина О.Е., Захарова В.Т. Духовный реализм И. Шмелева: лейтмотив в структуре романа «Пути небесные». - Н. Новгород: НГПУ, 2004. - 116 с.